

УДК 316

ИМПУЛЬСЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИНТЕГРАТИВНО-ДЕЗИНТЕГРАТИВНЫХ ПУЛЬСАЦИЯХ

И.А. САВЧЕНКО

*Нижегородский
государственный
технический университет
им. Р.Е. Алексеева*

Анализируется влияние фактора повседневности на социокультурные процессы интеграции и дезинтеграции в современном многоэтническом сообществе. Производится краткий теоретический обзор основных подходов к интерпретации повседневности. Представлены материалы эмпирического исследования степени воздействия повседневности на динамику социокультурного взаимодействия. Выявляются позитивные и негативные тенденции взаимовлияния повседневности и социокультурных изменений.

Ключевые слова. Повседневность, социокультурная интеграция и дезинтеграция, многоэтническое сообщество, этническая группа, культурные заимствования, гетерогенное социокультурное пространство, социальная депрессия.

«Существует столь же много «повседневностей», сколько есть авторов, ее (повседневность) изучающих»¹. Эти слова немецкого обществоведа Каролы Липп достаточно верно подчеркивают универсальность и, вместе с тем, многоаспектность фактора повседневности.

Процессы социокультурной интеграции и дезинтеграции, имеющие место в современных полиэтнических сообществах, подвержены влиянию как инструментальных (экономика, политика, право), так и ценностных (культурная идентичность) факторов. Все эти факторы реализуются, по большей мере, в обыденных реалиях социальной жизни. Поэтому повседневность можно считать фактором, обеспечивающим взаимосвязь, комплексность и системный характер проявления инструментальных и ценностных факторов интегративно-деинтегративного процесса.

Есть мнение, что повседневность не имеет четкой структуры, границ и рамок, не поддается универсальной научной классификации². Действительно, в работах последних лет, предлагающих теоретический анализ феномена повседневности (В.Д. Лелеко³, Н.Л. Пушкарева⁴, Е.Ю. Малова⁵), выделяются многочисленные, во многом отличные друг от друга подходы к обсуждаемому понятию.

Так, В.Д. Лелеко⁶ выделяет пять дискурсов повседневности: исторический, социологический, психолого-гносеологический, и эстетический. Указанные дискурсы и подходы не являют собою нечто разрозненное и лишенное целостности и преемственности. Красная нить, проходящая через все разнодисциплинарные работы по проблемам повседневности и обыденной жизни, отслеживается и Н.Л. Пушкаревой. Она показывает, как

¹ Lipp C. Alltagskulturforschung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts / Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. 1. S. 2. – S. 32-38., s. 32.

² Глазкова Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологии / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с., – С. 8.

³ Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Автореф. дисс. докт. культурологии / В.Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 35 с.

⁴ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности / Этнографическое обозрение. № 1, 2004. – С. 19-23.

⁵ Малова Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.

⁶ Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Автореф. дисс. докт. культурологии / В.Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 35 с.

эволюционируют и развиваются дискурсы повседневности, начиная от «Психопатологии обыденной жизни» (1904) З. Фрейда через «жизненные миры» Э. Гуссерля и А. Шюца и Франкфуртскую школу (Г. Маркузе, П. Бергер и Т. Лукман к этнометодологии Г. Гарфинкеля и А. Сикурель, «критике повседневной жизни» А. Лефевра и, наконец, интерпретации культур К. Гирца⁷.

В современной социальной науке весьма распространена точка зрения на повседневность, изложенная Б. Вальденфельсом. Этот немецкий исследователь в своих изысканиях отталкивается от предостережений Н. Элиаса: нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию и представлять обыденную жизнь в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти. И в итоге Б. Вальденфельс выстраивает генеалогию повседневной жизни, где повседневному противопоставлено неповседневное. К повседневному относится все привычное, упорядоченное, близкое; к неповседневному – непривычное, находящееся вне обыденного порядка, далекое. Повседневность есть место образования смысла, открытия правил; достижения повседневности могут существовать только за счет ее преодоления, – таков вывод Б. Вальденфельса⁸.

Такой подход находит отклик в ряде отечественных работ последних лет. Г.М. Муталова предлагает такое понимание понятия «повседневность», под которым подразумевается та часть жизни человека, на которую он ежедневно тратит больше всего времени по внешней или внутренней необходимости. Вследствие того, что человек затрачивает максимум времени на решение повседневных задач, это в решающей степени влияет на формирование личности, ценностных установок социальных групп и их предпочтений. Внешняя необходимость может быть природного или социального происхождения. Под необходимостью природного происхождения подразумевается среда обитания человека, например, экологические факторы⁹.

В целом, научный анализ повседневной жизни, независимо от дисциплинарного подхода к понятию, – это попытка вникнуть в обыденный человеческий опыт и проследить, каким образом он влияет на масштабные социальные процессы. К примеру, специалисты по истории социальных конфликтов и движений полагают, что сопротивление насилию, если оно ежедневно или хотя бы систематично, тоже есть часть истории повседневного¹⁰.

Так, В.П. Козырьковым¹¹ представлены образы повседневности, среди которых: повседневность как проза жизни; повседневность как область рутинных явлений и тривиального знания; повседневность как индивидуальный жизненный мир; повседневность как профанное пространство; повседневность как обыденный мир (при этом понятия «повседневность» и «обыденность» четко разводятся). В структуре повседневности выделяются различные виды пространства, в которых одновременно пребывает человек: физическое, перцептуальное (доступное непосредственному восприятию) и концептуальное (культурное)¹².

С такой точки зрения, повседневность с неизбежностью должна включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специ-

⁷ См.: Пупкарева Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности / Этнографическое обозрение. № 1, 2004. – С. 19-23.

⁸ См.: Глазкова Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с., – С. 8.

⁹ См.: Глазкова Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с. – С. 6.

¹⁰ Пупкарева Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Фонд исторической перспективы // http://www.perspektivy.info_2010-03-16.htm

¹¹ Козырьков В.П. Образы повседневности и проблема их целостности / Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе: Материалы 4-й межвуз. науч. конф. – Н. Новгород, 2002. Вып. 4. – С. 7-10., – С. 8.

¹² Малова Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Современные наукоёмкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.

фических социально-политических условиях, в том числе и самых экстремальных»¹³. Поэтому определение повседневности как движущей силы интегративно-дезинтегративных пульсаций общественной жизни вполне оправдано.

Влияние факторов обыденной жизни на социокультурные процессы, как мы помним, исследовалось К. Гирцем¹⁴. Воздействие этих факторов на жизнь в полиэтнического сообщества может, на наш взгляд, быть уточнено эмпирически.

Так, нами была составлена анкета и проведено социологическое исследование, направленное на выявления того, каким образом действуют взаимообусловленность и взаимосвязь явлений повседневности и интегративно-дезинтегративных процессов в обществе. Анкетный опрос проводился среди следующих групп респондентов (общая выборка составила 715 человек (n=715):

1. Студенты из стран дальнего зарубежья (247 человек), обучающиеся в вузах Нижнего Новгорода: Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева (58 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (98 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (47 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (44 чел.). Опрашивались африканцы (43%), индусы (16%) и китайцы (41%). Гражданство респондентов: 16% – Индия, 41% – Китай, 14% – Камерун, 16% – Танзания, 13% – Намибия.

2. Русские студенты (215 человек), обучающиеся в Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева. Большинство русских студентов являются гражданами России (92%), остальные – граждане Украины, Беларуси, Казахстана и Молдовы.

3. Студенты из стран ближнего зарубежья (253 человека): белорусы – 19%, абхазы – 3%, литовцы – 3%, эстонцы – 5%; украинцы – 17%, грузины – 10%, армяне – 17%, азербайджанцы – 10%, таджики – 3%, туркмены – 3%, молдаване – 8%. Студенты обучаются в Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева (74 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (68 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (51 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (13 чел.), Волжской государственной академии водного транспорта (21 чел.), Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова (16 чел.), Нижегородском коммерческом институте (6 чел.), Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки (4 чел.). Опрошенные являются гражданами России (47%), Украины (23%), Беларуси, Азербайджана и Грузии (по 10%).

Сначала несколько слов о реалиях обыденного существования иностранного студента в России. Стремление иностранца сохранить культурную идентичность уравнивается желанием связать свое будущее с Россией, а слабая адаптивная активность – относительно комфортным самочувствием в российском регионе. Именно эти позитивные показатели способны стать основой интеграционного процесса.

Социально-психологические проблемы интеграции иностранных студентов в российскую социокультурную реальность, как правило, рассматриваются в рамках эффективной организации учебно-воспитательного процесса в вузах, где обучаются иностранцы¹⁵. Между тем, как нам кажется, необходимость исследования проблем интеграции иностранных студентов в России имеет более широкое, социальное значение. По разным данным примерно четверть иностранных студентов остается жить в России (то есть заводят семьи, детей, приобретают недвижимость), более половины – не покидают нашу страну после окончания вуза, а остаются там на неопределенное время¹⁶. Учитывая дан-

¹³ Пупкарева Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Фонд исторической перспективы // http://www.perspektivy.info_2010-03-16.htm

¹⁴ Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: Аст, 2004. – 306 с.

¹⁵ Савченко И.А. Опыт социально-психологического исследования проблем адаптации иностранных студентов в российском вузе / И.А. Савченко, М.В. Свирина, О.И. Морозова, Н.С. Борисова // Методология обучения и повышения эффективности академической, социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Всероссийского семинара. Томск: ТПУ, 2008. – С. 113-124.

¹⁶ Давидсон А.Б., Иванова Л.И. Московская Африка / А.Б. Давидсон, Л.И. Иванова. – М.: Театральный институт им. Б. Щукина, 2003. – 117 с.

ный факт, к рассмотрению проблемы интеграции указанной категории мигрантов в культурно-социальные реалии российских регионов следует относиться более чем серьезно.

Не так давно Министерство образования и науки России обнародовало некоторые данные об иностранных студентах, обучающихся в России¹⁷. Всего в российских вузах учатся почти 100 тыс. иностранных граждан, в том числе почти 70 тыс. – на контрактной основе и свыше 30 тыс. – за счет средств федерального бюджета. Больше всего студентов-иностранцев приехало из стран Азии, Африки и Латинской Америки (55 %), а также государств – участников СНГ (33%).

Самая популярная специальность среди иностранных студентов, обучающихся в России, – медицина (19,2% студентов). На втором месте – экономика, финансы, менеджмент (17,5%); на третьем – гуманитарно-социальные специальности (15,6%). Популярны также инженерно-технические специальности, право, естественные и точные науки (в том числе математика).

В соответствии с международными договорами в 2005 году за счет средств федерального бюджета и на предоставляемые государственные стипендии иностранных граждан из 98 государств дальнего и ближнего зарубежья готовят в 170 российских вузах системы Министерства образования и науки России. Лидер по подготовке иностранных студентов – Москва (около 50 вузов). На втором месте – Санкт-Петербург (14 вузов).

Кроме того, прием иностранных учащихся за счет средств федерального бюджета по направлениям Рособразования осуществляют вузы, не относящиеся к системе Минобрнауки: МГУ, Финансовая академия при правительстве Российской Федерации, вузы Минздравсоцразвития России, Минкультуры России, Минтранс России, Минсвязи России, Минсельхоза России, Минэкономразвития России – всего около 20 высших учебных заведений. Целевую подготовку специалистов для государств-участников СНГ по предоставляемым государственным стипендиям осуществляют еще в 31 вузе. Только два из них – московские.

По статистике Минобрнауки, Россия занимает 8 место в мире по числу обучающихся иностранных граждан. На первом месте – США (586 тыс.чел.), на втором – Великобритания (233 тыс.чел.), на третьем – Германия (200 тыс.чел.). Далее следуют Франция (160 тыс.чел.), Австралия (157 тыс.чел.), Испания (124 тыс.чел.), Канада (100 тыс.чел.).

Иностранные студенты приезжают из разных стран мира, из разных климатических зон, являются представителями разных социумов с совершенно различными культурами, традициями, системами норм и ценностей. Кроме того, иностранные студенты, как и все люди, обладают индивидуально-психологическими особенностями.

Приезжая в Россию, иностранный студент попадает в принципиально новые социальные условия. Несмотря на уже имеющийся социальный опыт, полученный в родной стране, условия жизни (и обучения) в России можно считать для студента-иностранца непривычными. Разница между организацией общественной жизни и условиями обучения в родной стране и в России порождает проблемы, связанные с адаптацией студента к условиям жизни и обучения в чужой стране. Иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и потоков и т.д.

Среди городов России, в которых обучаются иностранные студенты, присутствует и Нижний Новгород. В нижегородских вузах учатся иностранные студенты из Марокко, Танзании, Судана, Иордании, Индии, Китая и других, преимущественно азиатских и африканских стран.

Наблюдение за восприятием процедуры опроса иностранными студентами также дало важную информацию для характеристики «ситуации повседневности» иностранцев, поскольку процесс опроса представлял собою некую гипертрофированную ситуацию иностранца в инокультурной среде. Было очевидно, что всех опрашиваемых объединяет не-

---

¹⁷ Дементьева С.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов в контексте социологического анализа / Методология обучения и повышения эффективности академической, социокультурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийского семинара. Т. 2. Томск: ТПУ, 2008. – С. 42 – 59., – С. 44.

достаточная степень адаптации к современной российской повседневной реальности. Исходя из полученных данных, большинство испытывают страх, отчуждение, недоверие к русским людям. Отчасти это является стереотипом, когда индивидом на основе ограниченной информации об отдельных представителях каких-либо этнической группы строятся предвзятые выводы относительно всей группы¹⁸.

Особенности обыденного существования студента из ближнего зарубежья имеют много общего с особенностями, наблюдаемыми у студентов из стран дальнего зарубежья. Хотя среди студентов из ближнего зарубежья специфика выражена не так четко: меньше языковой барьер, больше и обширнее опыт совместного существования с русскими, в конце концов, меньше признаков очевидного отличия от принимающего этноса. В конце концов, благодаря общему «советскому» прошлому, мигрант из СНГ в меньшей степени, нежели студент из дальнего зарубежья, чувствует себя чужим в русской среде¹⁹.

Повседневность русских студентов, как членов принимающего сообщества, конечно же, отличается повседневности приезжих. На первый взгляд, русские как коренные жители не могут испытывать ни о культурного шока, ни о каких-либо сложностей вхождения в новую социокультурную среду и, соответственно, в новую повседневность. В какой-то степени это верно. Однако сам факт стремительной этнокультурной гетерогенизации социального пространства делает русских коренных жителей свидетелями социальных изменений. Один и тот же социальный процесс является макросоциальным для русского и микросоциальным, а во многих случаях, индивидуально-личностным – для приезжего.

Анализ результатов опроса. Опрос, направленный на уточнение повседневных проблем опрашиваемых студентов, их общего самочувствия и установок в поликультурном сообществе, был анонсирован вопросом об отношении студентов к актуальной жизненной ситуации (См. диаграмму 1).

Было установлено, что смиренно депрессивное, упадническое отношение к жизни («жить трудно, но можно терпеть»), являющееся, безусловно, барьером для интеграционного движения, характерно лишь для пятой части студентов во всех опрашиваемых группах. Хотя этот показатель нельзя считать незначительным, оптимистичные («жизнь прекрасна») и умеренно-оптимистичные («все не так плохо и можно жить») отношения к повседневности представлены более широко. Так, 33% студентов из ближнего зарубежья, 28% иностранцев и 39% русских утверждают, что их жизнь прекрасна; 47% мигрантов из СНГ, 51% иностранцев и 36% русских считают, что «все не так плохо и можно жить».

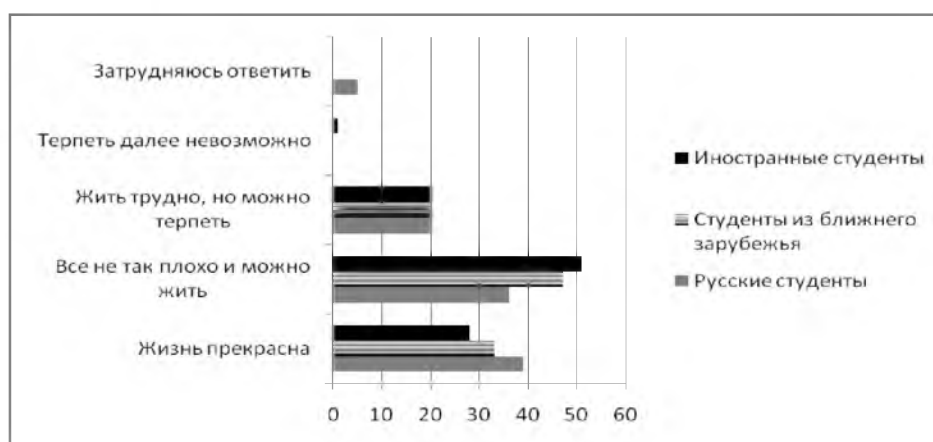

Диаграмма 1. Отношение студентов к актуальной жизненной ситуации

Далее следовал вопрос о повседневном самочувствии студентов в России (см. диаграмму 2).

¹⁸ Савченко И.А. Иностранный студент в России: условия и барьеры интеграции / Вестник Оренбургского государственного университета. № 1, 2010 – С. 20-27.

¹⁹ Савченко И.А. Интегративные и дезинтегративные тенденции в мультикультурной молодежной среде. Известия Уральского государственного экономического университета. №1, 2010. – С. 11-20.

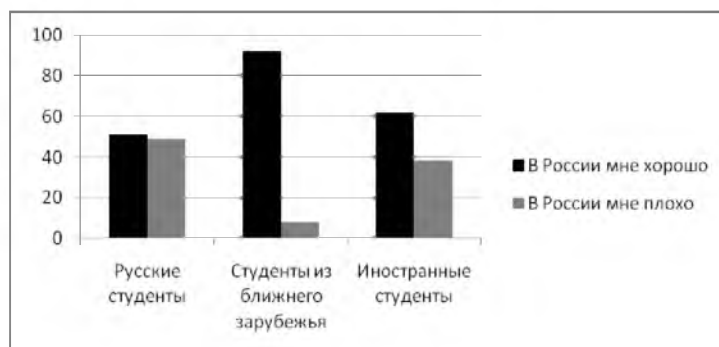

Диаграмма 2. Самоощущение студентов в России

Итак, мы видим, что, большинство студентов в трех выборках положительно оценивают свое самоощущение в России. Между тем, совершенно очевидно, что одним категориям студентов в России явно лучше, чем другим.

Хуже всего себя ощущают в нашей стране студенты-иностранцы: 38% из них указали, что им «плохо в России». Русским в родной стране чуть лучше, нежели иностранцам – 51-му% русских в России «хорошо». При этом лучше всего в России себя ощущают мигранты из бывшего СССР (92%). Можно предположить, что активный интеграционный процесс, наблюдаемый в среде выходцев из ближнего зарубежья, рождает оптимизм и эйфорию. Иными словами, ощущение того, что «все получается», что в жизни нет ничего невозможного, и жизненные перспективы безграничны, придает максимальный смысл повседневному существованию, лишая его таких привычных атрибутов как скука и обыденность.

Ближайшее окружение, как известно, оказывает весомое влияние на повседневное существование человека. Круг общения во многом определяет личность индивида. Так, опрашиваемым студентам предлагалось указать национальность их самых близких друзей (см. диаграмму 3).

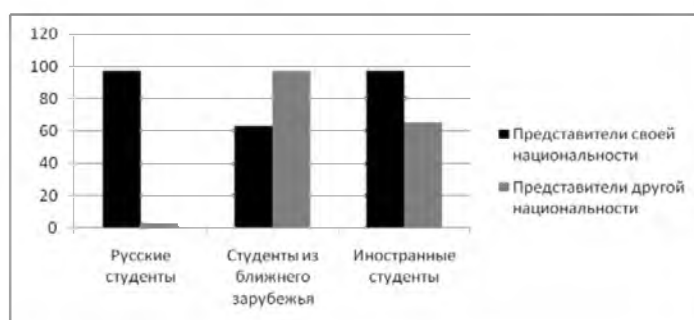

Диаграмма 3. Указание студентов на национальность близких друзей

Из диаграммы видно, что русские и иностранцы (по 97% в обеих выборках) в качестве близких друзей указывают преимущественно представителей своей национальности. Но за схожими показателями – абсолютно различное наполнение.

Так, русские, указав в качестве близких друзей исключительно русских, оставили минимальное пространство (3%) для представителей других этносов в качестве своих друзей, в котором в единичных вариантах встречаются евреи, узбеки, армяне, татары, турки.

Что касается иностранцев, то, хотя среди их ближайших друзей и преобладают представители своего народа, число представителей других этносов также значительно – 63%. Так, русских отметили в основном китайцы (75%), а китайцев – индусы (69%). Африканцы поняли вопрос по-своему: в качестве своих друзей они указывали представителей различных африканских стран – Намибии, Камеруна, Занзибара (название этого государства активно используется африканцами, несмотря на то, что в 1984 г. Занзибар вместе с Танганьикой образовали Объединенную Республику Танзанию).

Студенты из ближнего зарубежья как самых близких друзей отметили русских (97%), грузин (23%), украинцев (20%), белорусов (4%), камерунцев (8%), евреев (8%).

Ответы на данный вопрос выявили определенного рода парадокс: иностранцы, как и русские, указывают в качестве близких друзей представителей своего этноса, а приезжие из стран бывшего Советского Союза в подавляющем большинстве указали представителей других национальностей, среди которых преобладают русские. Таким образом, выборы русских студентов и студентов из стран бывшего Союза ССР не менее показательны, нежели сходство в выборах русских и иностранцев.

Здесь мы снова видим максимальную интеграционную активность приезжих из стран ближнего зарубежья, желание интегрироваться не только политически и экономически, но и социально.

Русские, и это понятно, не до конца осознают нарастание этнической неоднородности своего социума, а если и осознают, то, скорее, как явление внешнего порядка, не переходящее на феноменологический уровень и не влияющее на ход обыденных явлений. Вполне возможно, что русский, которого мигрант из СНГ обозначает своим другом, сам не идентифицирует данного мигранта как друга. Собственно, на наш взгляд, данное положение вещей вполне закономерно и предсказуемо. Представители принимающего сообщества в плане этнокультурной динамики изначально находятся в пассивном положении (они никуда не уезжают и не создают сами для себя ситуацию, к которой надо адаптироваться), поэтому они и не идентифицируют мигранта как члена своего социума. Мигрант же, покидающий свою родину, заведомо делает шаг навстречу представителям нового для себя общества, поскольку с самого начала понимает необходимость адаптации. Однако так бывает не всегда.

Возьмем европейские страны, к примеру, Францию. Многочисленные выходцы из Восточной Европы и СССР, греки, испанцы, португальцы, итальянцы без труда интегрируются в принимающее пространство повседневности и адекватно адаптируются. Можно долго рассуждать о том, что является субстратом такой интеграции (европейская культура или некая общность исторической судьбы, либо что-либо еще). Но на наш взгляд успешная интеграция связана, прежде всего, с индивидуально-групповым желанием адаптироваться. Примерно так, хотя в сопряжении с трудностями и проблемами, происходит интеграция приезжих из стран ближнего зарубежья в российскую повседневность.

В той же Франции выходцы из африканских стран и, в несколько меньшей степени, евроазиатские арабы – не все, но, безусловно, многие, так и не интегрировались в новое социальное пространство повседневной жизни, очевидно полагая, что принимающее сообщество не вправе навязывать приезжему свои нормы; скорее наоборот: оно должно адаптироваться к приезжим. Именно такое отношение к принимающему сообществу демонстрируют иностранные студенты (отметим, что среди китайцев тенденция прослеживается не столь четко). Здесь мы имеем дело с тенденцией к геттоизации, о чем свидетельствует выбор в качестве друзей представителей своей национальности. Наблюдается также явление, которое мы называем анклавной консолидацией – единением различных этнических групп в метаэтническую общность в противовес принимающему обществу, о чем свидетельствует выбор в качестве друзей представителей различных этнических групп, но за исключением членов принимающего сообщества, в нашем случае – русских.

Наши выводы в определенной степени были подтверждены исследованием влияния этнокультурного соседства через выявление культурных заимствований²⁰. Так, мигрантам из стран ближнего зарубежья и студентам-иностранцам задавался открытый вопрос: «Какие качества русских людей Вы переняли у них, живя в России?» (диаграмма 4).

Что касается студентов из стран бывшего Советского Союза, немалая их часть (31%), оценивая влияние соседства с русскими людьми, оказалась убеждена, что ничего не переняли у них. И все же большинство (69%) признают факт заимствований. Такое качество как «независимость и свобода поведения» переняли у русских 21%; 19% научились у русских настоящей русской речи, речевым оборотам, любовь к русской кухне пере-

²⁰ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии им. И.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – 195 с.

няли 8%, гостеприимство – 8%, речь – 20%, трудолюбие – 4%, любовь к России – 4%, привычку к распитию спиртного – 4%.

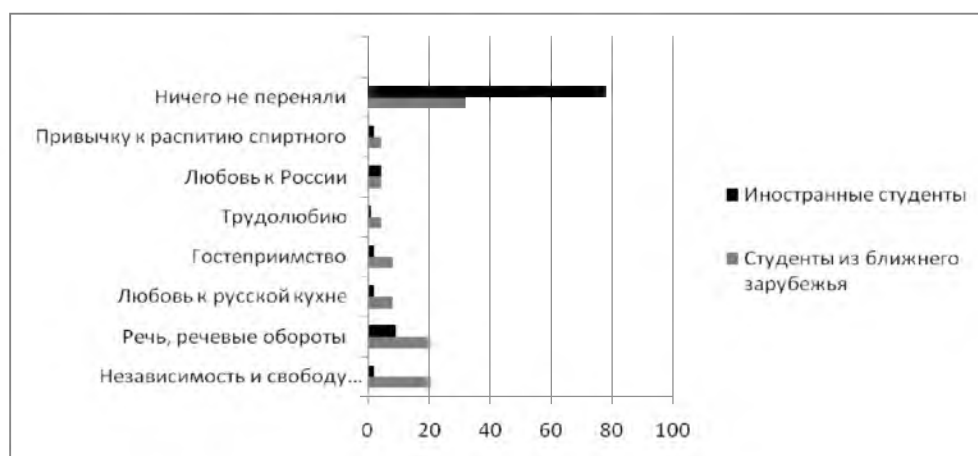

Диаграмма 4. Мнения студентов-мигрантов о качествах, заимствованных у русских

Принципиально иная картина – у иностранных студентов. При оценке влияния соседства с русскими людьми, абсолютное большинство (86%) убеждены, что ничего не переняли у них. Такое качество как любовь к русской кухне переняли 2%, гостеприимство – 2%, трудолюбие – 1%, любовь к России – 4%, привычку к распитию спиртного – 2%, как «независимость и свобода поведения» переняли у русских 2%; 9% полагают, что научились у русских говорить по-русски.

Студенты-иностранцы и студенты из ближнего зарубежья указывают на одни и те же заимствования. Большинство заимствований можно оценивать как положительно окрашенные, а также способствующие интеграционному движению (особенно, любовь к России, «живую» русскую речь и т.д.). «Привычка к распитию спиртного» – единственное негативное заимствование, которое упоминается в обеих категориях мигрантов. Указание данного заимствования говорит, во-первых, о стигматизации поведения «типичного русского», во-вторых, о стремлении незначительного числа респондентов из числа мигрантов (в среднем 3%) каким-то образом оправдать свое собственное пристрастие, которое, возможно, актуализировалось вдали от родительского надзора.

Культурные заимствования, а, точнее, их признание – маркеры интегративного настроения, проявляющиеся в повседневной обыденности. У иностранцев эти маркеры представлены минимально, у студентов из ближнего зарубежья – достаточно ярко.

Студентам-мигрантам предлагалось оценить интеграционный настрой русских через ответы на вопрос: «Как Вы думаете, русские люди, живя рядом с Вами, переняли у Вас какие-либо качества?». И здесь отмеченная выше тенденция, хотя и не столь рельефно, но проявилась снова: мигранты из СНГ в гораздо большей степени убеждены в наличии качеств, заимствованных у них русскими, нежели иностранцы (см. диаграмму 5).

Подавляющая часть опрошенных (94%) признает, что, общаясь с представителями их национальности, русские ничего не переняли. Лишь немногие считают, что русские переняли у них некоторые традиции (2%), кухню (4%).

Среди опрошенных из стран бывшего СССР уверенных в том, что, общаясь с представителями их национальности, русские ничего не переняли у них, гораздо меньше – только 53%. Ряд опрошенных студентов считает, что русские переняли у них некоторые традиции (4%), кухню (4%), уважение к родным (23%), скромность (2%), гостеприимство (4%), трудолюбие (10%).

Достаточно показательны мнения русских студентов по поводу качеств, которые приезжие у них заимствовали и свойств, заимствованных русскими у приезжих (см. диаграмму 6).

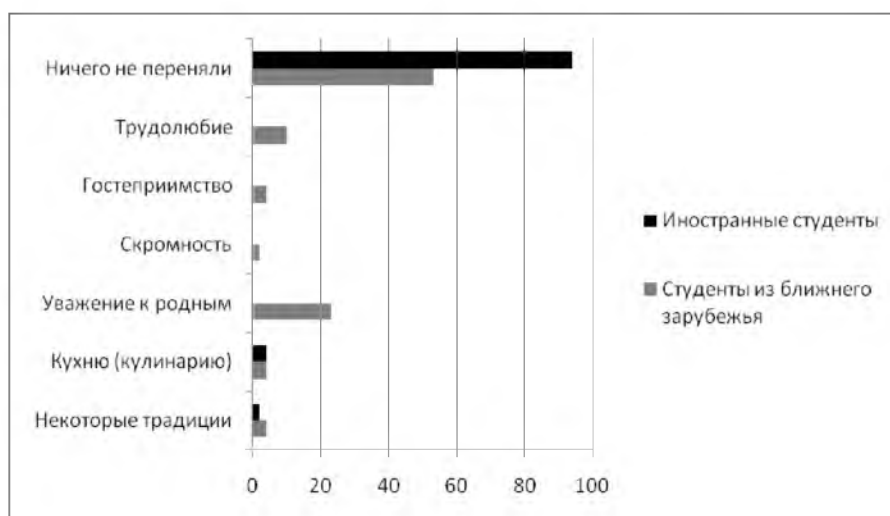

Диаграмма 5. Мнения студентов-мигрантов о качествах, которые русские заимствовали у них

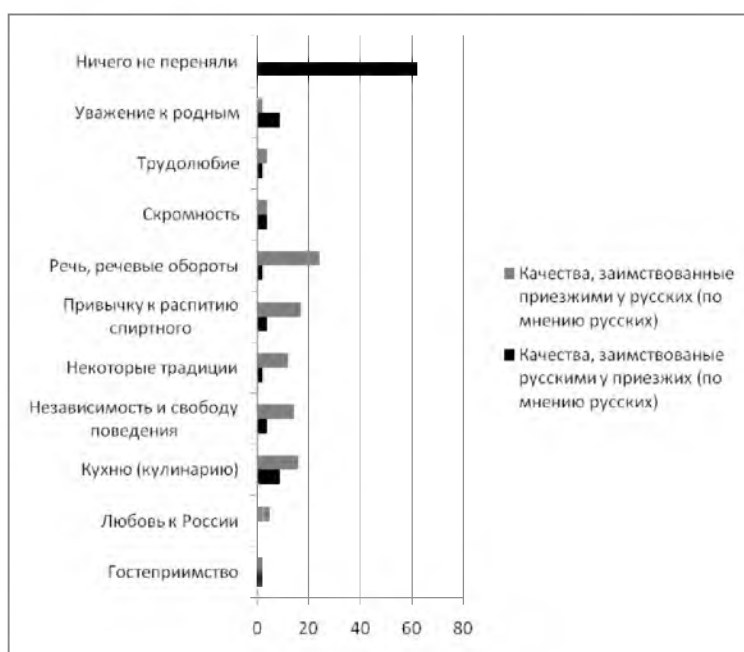

Диаграмма 6. Мнения русских студентов о культурных заимствованиях

Мы видим, что 100% русских убеждены, что приезжие что-либо заимствовали у них. Но надо признать, что среди русских немало и тех, кто признает заимствования русскими у приезжих (62%). Поэтому можно без сомнения утверждать, что интегративный настрой у русских гораздо активнее, чем полагают мигранты.

В целом, соотношение позитивных и негативных оценок взаимовлияния культур свидетельствует о характере групповой идентификации и общего отношения к иной культуре. Выявленное нами преобладание позитивных оценок влияния другой культуры на собственную и собственной на другую есть показатель позитивной групповой идентификации и межгрупповой (этнической) толерантности. Такое сочетание говорит о том, что группа достаточно хорошо адаптирована в иной культуре, оставаясь самостоятельным субъектом межкультурного взаимодействия, с уважением относясь к своей и чужой этнической (культурной) принадлежности.

Выявленное преобладание позитивных оценок влияния собственной культуры на другую в сочетании с высокой долей негативных оценок влияния другой культуры на собственную говорит о том, что представители данной культуры (оценивающей) ощущают влияние иной культуры как угрозу своей собственной культурной идентичности, могущую привести к ее распаду или трансформации. Это – атрибутивный защитный механизм контрсуггестии, приводящий к неадекватности межгруппового восприятия.

Наличие негативных оценок влияния собственной культуры на другую в сочетании с позитивной оценкой инокультурного влияния может свидетельствовать о существовании групповой культурной неудовлетворенности, о распаде данной группы как самостоятельного субъекта социокультурных отношений, о возможной смене членами группы своей групповой принадлежности. Однако таких тенденций нами выявлено не было.

Признание респондентом социокультурных заимствований из иной культуры также позволяет сделать ряд значимых выводов. Сравнительно большая доля воспринимаемых заимствований от другой культуры говорит, во-первых, о воспринимаемых и осознаваемых различиях между собственной культурой и соседней, и, во-вторых, о том, что инокультурное влияние ощущается как сильное и глубокое. Малая доля негативных психологических заимствований от иной культуры говорит о том, что представители данной группы не воспринимают инокультурное влияние как угрожающее их ценностному единству, о включении механизмов психологической защиты, о неадекватности межгруппового восприятия.

Негативная оценка собственной культуры как источника заимствований могла бы свидетельствовать о том, что группа, транслирующая заимствования, не удовлетворена своей культурной принадлежностью и, возможно, стремится к смене групповой идентификации. В нашем исследовании подобных мнений не обнаружено.

Отрицание культурных заимствований также дает исследователю важную информацию²¹. Высокая доля ответов типа «мы у них ничего не заимствовали» (53%) может служить показателем: а) либо завышения статуса собственной группы (отказ от осознания влияния иной культуры на собственную и даже отказ ей в праве влияния) как одного из вариантов контрсуггестии или психологической защиты; б) либо отсутствия в групповом сознании четких различий между своей и иной культурой, недифференцированности группового сознания, возможно, свидетельством того, что группа не является самостоятельным субъектом межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия.

Высокая доля ответов «Они у нас ничего не заимствовали» может в ряде случаев говорить о признании более высокого статуса иной культуры, о собственной групповой (культурной) неудовлетворенности. Однако отрицание заимствований из собственной культуры со стороны других этносов можно объяснить и как признание группой своей несовместимости с другой культурной группой (группами) или как демонстрацию собственной уникальности и указание на неспособность других культурных общностей «постичь» культуру данной этногруппы.

Важной характеристикой повседневного существования индивида является его поведение в обычных жизненных ситуациях. Поэтому во всех трех группах опрашиваемых был задан вопрос «Меняется ли Ваше поведение в зависимости от того, с представителями каких национальностей Вы находитесь в одной компании?» (диаграмма 7).

Несколько слов о самом вопросе. Конечно, в нем есть определенного рода подвох. Для ученого очевидно, что наше поведение просто не может не меняться в зависимости от того, с кем мы находимся в одной компании. Хотя, конечно, на одних из нас окружение влияет в большей, на других – в меньшей степени. Таким образом, респондент, соглашающийся с тем, что его поведение меняется в зависимости от того, с представителями каких национальностей он находится в одной компании, лишь признает реально существующий факт. Те, кто с данным утверждением не соглашаются, этот факт упорно отрицают, тем самым демонстрируют свою мнимую уникальность или острое нежелание признать свою подверженность ассимилирующему влиянию других культур. Таковых

²¹ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии им. И.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – 195 с.

меньше всего среди русских (только 41%), достаточно много среди приезжих из СНГ (70%) и иностранцев (79%).

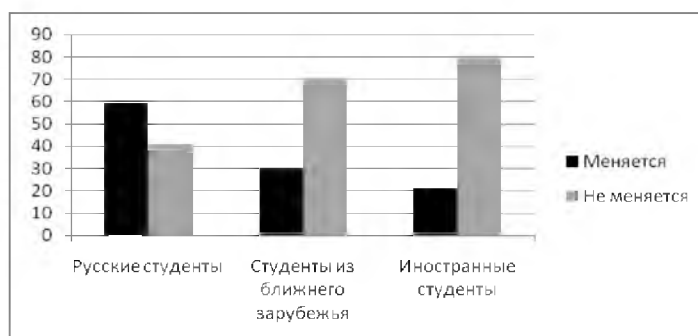

Диаграмма 7. Ответы студентов на вопрос «Меняется ли Ваше поведение в зависимости от того, с представителями каких национальностей Вы находитесь в одной компании?»

Традиционным является мнение, что основные интеграционные барьеры строятся представителями принимающего сообщества. Последний вопрос показал, что это не всегда так. Континтеграционные внутренние установки свойственны и приезжим.

Нам было важно выяснить, ощущают ли студенты связь между индивидуальным обыденным существованием и своей этнокультурой. Иными словами, мы стремились узнать, считают ли студенты культуру ценной, значимой и нуждающейся в сохранении. В трех выборках задавался вопрос «Как Вы думаете, что поможет Вашим соотечественникам в России сохранить свою культуру, или это не нужно?» (диаграмма 8).

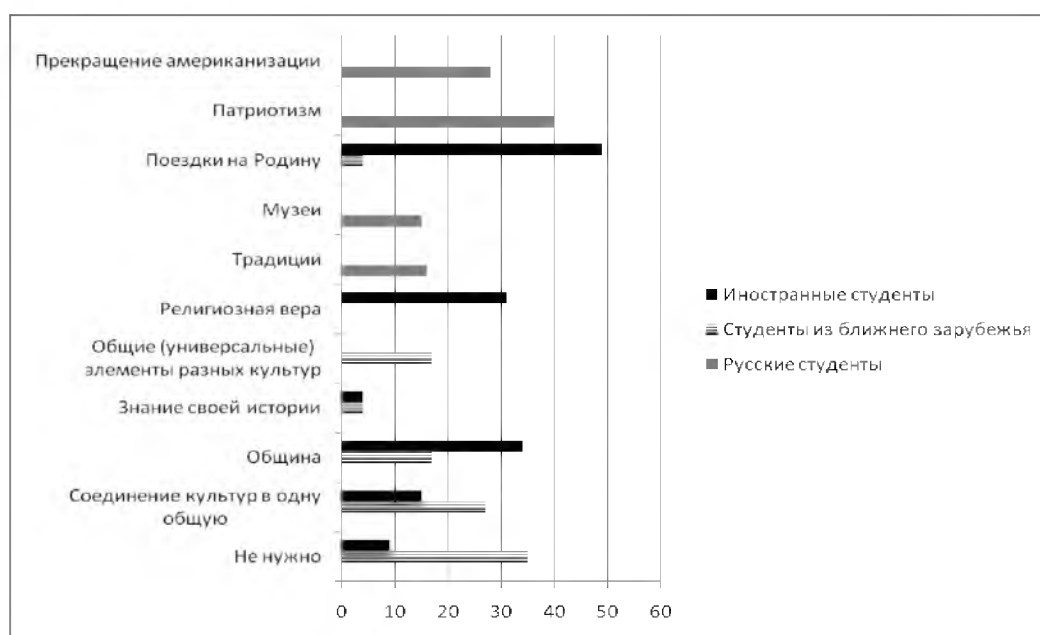

Диаграмма 8. Ответы студентов на вопрос «Как Вы думаете, что поможет Вашим соотечественникам в России сохранить свою культуру, или это не нужно?»

Налицо большое разнообразие ответов (вопрос предполагал свободные ответы). У выходцев из ближнего зарубежья, как мы видим, аккультурационный пафос граничит с маргинальными тенденциями: 35% в принципе отрицают необходимость культурного самосохранения. Среди иностранцев такое мнение разделяют лишь 9%, у русских такое мнение не представлено вовсе.

Многие мигранты из стран бывшего Союза ССР (27%) видят залог сохранения культуры в ее соединении с другими (очевидно, так мигранты надеются сохранить хотя бы отдельные элементы культуры). С таким мнением согласны 15 % иностранцев, русские с таким утверждением не согласны.

В целом, у приезжих из ближнего зарубежья преобладает желание как можно быстрее освоиться в новой культуре, пусть даже путем потери своей собственной. Может показаться, что это неплохо, поскольку элиминируются конфликтные предпосылки. С другой стороны, утрата культурных корней и неминуемая маргинализация, отнюдь не признак успешного интегративного движения и ухода от конфликтов.

Что касается иностранных студентов, их подавляющее большинство (87% африканцев, 91% китайцев и 95% китайцев) уверены, что родную культуру сохранять необходимо (напомним, что так же считают 100% русских и лишь 65% мигрантов из СНГ). В общине видят залог сохранения родной культуры 21% африканцев, 35% китайцев, 47% индусов, в знании своей истории – в среднем около 4% у представителей всех групп. Индусы единственные, кто считает, что для сохранения родной культуры необходима религиозная вера (87%), у остальных опрашиваемых данный показатель в районе 3%. Китайцы большое значение в сохранении культуры придают поездкам на Родину (87%).

Русские видят проблему сохранения родной культуры более широко: 40% считают залогом культурного самосохранения патриотизм. Но при этом многие русские рассматривают проблему культурного самосохранения нейтрально и деперсонализированно: 28% указывают прекращение американизации, 16% – традиции, 15% – развитие музеев. Такая отстраненность от решения проблемы будущего своего народа говорит о «культурной депрессивности» и уверенности в том, что сложные проблемы должно решать государство, а не отдельный человек.

Студентам задавался вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к вашей национальной культуре?» (диаграмма 9).

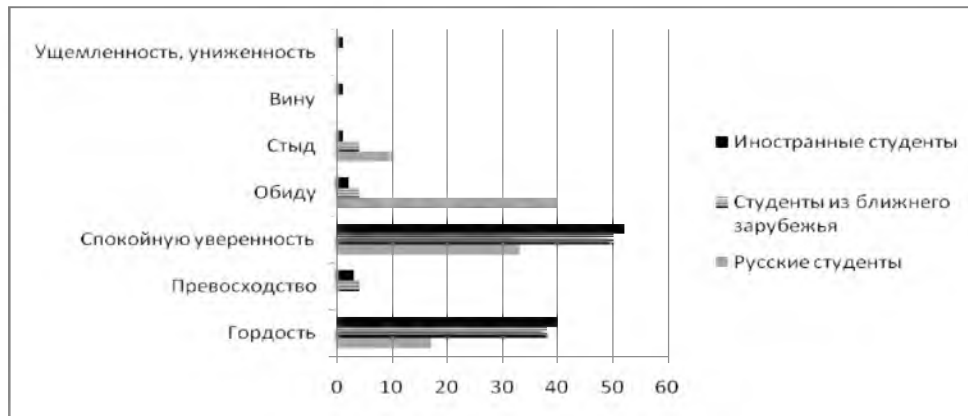

Диаграмма 9. Ответы студентов на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к вашей национальной культуре?»

В ответе на данный вопрос 50% студентов из ближнего зарубежья указали спокойную уверенность, 38% – гордость, 4% – обиду, по столько же – стыд, столько же – превосходство. Сходные показатели у иностранцев: 52% указали спокойную уверенность, 40% – гордость, 3% – обиду, 1% – стыд, превосходство – 5%.

У русских студентов – совсем другие показатели. У 40% принадлежность к русской национальной культуре вызывает обиду, у 10% – стыд, и только у 17% – гордость и у 33% – спокойную уверенность.

Таким образом, если разделить чувства, которые у индивида вызывает принадлежность к его национальной культуре, на позитивно (гордость, превосходство, уверенность) и негативно окрашенные (обида, стыд, вина, ущемленность), то окажется, что у русских положительные и отрицательные чувства представлены в равной степени, а в

двух других респондентских аудиториях со значительным перевесом преобладают позитивные настроения (у студентов из ближнего зарубежья – 92%, у иностранцев – 95%).

Эти факты говорят о том, что многие русские утрачивают культурную устойчивость, они дезориентированы и не имеют понятия, как вести себя и культурно сохраняться в мультиэтничном сообществе под напором других культур. Мигранты же, несмотря на набирающие в их среде процессы маргинализации, с абсолютной уверенностью входят в новые культуры. Однако в целом дезориентация русских – с одной стороны и уверенность подверженных маргинализации приезжих – недобрый знак, никак не способствующий интеграции, а, напротив, разобщающий общество.

«Завтра начинается сегодня». Фраза пусть и банальна, но верна. В связи с этим мы задали студентам вопрос: «Как Вы считаете, знание каких языков будет полезно Вашим детям?» (диаграмма 10). Поскольку язык – наиболее осязаемая и, так сказать, «лежащая на поверхности», часть культуры, то указанный вопрос подразумевает культурную среду, в которой опрашиваемые респонденты видят своих потомков.

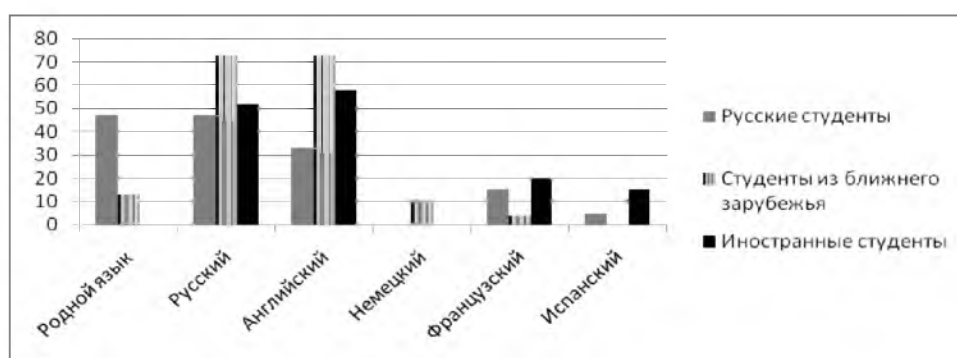

Диаграмма 10. Отношение студентов к полезности изучения языков для их будущих детей (вопрос «Как Вы считаете, знание каких языков будет полезно Вашим детям»)

Указывая на языки, владение которыми будет полезно их детям, студенты из ближнего зарубежья отдали предпочтение русскому и английскому – 73%, немецкому – 10%, французскому – 4%. Родной язык посчитали полезным для своих детей лишь 13%. Это говорит о том, что мигранты не связывают будущее своих детей со своей родиной, с оставшимися там родственниками. Будущее своих детей мигранты, судя по всему, видят в культурной адаптации и реализации их социальных возможностей в социокультурной действительности принимающего общества.

У трех групп иностранных студентов нет единодушия при указании языков, владение которыми будет полезно их детям. Так, китайцы отдают предпочтение русскому (81%) и английскому (75%), индусы – преимущественно русскому (69%). Что же касается африканцев, то они выбирают такие языки как английский (56%), французский (59%), испанский (45%).

В двух других респондентских категориях лидируют маргинальные тенденции: родной язык, напомним, выбрали 13% студентов из СНГ и никто из иностранцев. Последние (в первую очередь, африканцы), судя по всему, указывают в качестве «нужных», прежде всего, официальные языки своих государств, прежде всего английский и французский, которые, конечно же, не являются для иностранных студентов родными.

Этот вопрос подтверждает и нарастающую дезориентированность русских – менее половины из них, живущих в своей исконной культурной среде, считают родной язык «нужным» для своих детей. Этот факт можно оценивать по-разному. Родной язык может не считаться «нужным», поскольку воспринимается как нечто само собой разумеющееся, поскольку усваивается путем естественного развития, а не научения. Но, на наш взгляд, тот факт, что многие русские не рассматривают русский язык как нужный для своих детей может трактоваться более прямо и конкретно: часть россиян (по всей вероятности, примерно пятая часть) не связывают (или связывают не полностью) жизнь своих детей с Россией. Об этом свидетельствуют данные, полученные летом 2010 г. Аналитическим центром

Ю. Левады. На вопрос Левада-Центра «Хотели бы ли Вы, чтобы Ваши дети работали и учились за границей» выбрали ответ «определенно да» 24%, то есть чуть меньше четверти респондентов. В следующем вопросе «Хотели бы ли Вы, чтобы Ваши дети уехали за границу на постоянное место жительства?» ответ «определенно да» избрали 14% опрошенных. И, наконец, в ответе на вопрос Левада-Центра «Вы сами думали о возможности уехать из России за границу хотя бы на какое-то время?» признались, что «постоянно» об этом думают 6% опрошенных. Еще 15% сказали, что думают «довольно часто»²².

Итак, наше исследование дает приблизительное понимание того, как чувствует себя студент-мигрант в повседневности крупного российского города, что препятствует и что способствует его интеграции в новую социокультурную среду.

Прежде всего, отметим, что многие приезжие стремятся сохранить свою культурную идентичность, хотя далеко не все уверены в том, что сохранять ее необходимо. Большинство считает, что только постоянное общение с родными и близкими (переписка и визиты на Родину) позволяют не утратить культурные корни. Принадлежность к родной культуре вызывает в мигрантах гордость и спокойную уверенность.

При этом связь приезжего со своим народом значительно обостряется в кризисных, драматичных ситуациях, связанных с унижением и притеснением соотечественников не обязательно в России, но и в любом уголке Земли.

Хотя мы установили преобладание интеграционной активности выходцев из стран ближнего зарубежья по сравнению с иностранными студентами, можно выделить очевидные показатели слабой интегрированности тех и других. Так, живя бок о бок с русскими, мигранты, тем не менее, убеждены, что в результате такого соседства почти ничего у русских не переняли, да и русские ничего не заимствовали у приезжих. Мигрант уверен, что его поведение никак не зависит от социально-культурного окружения. При этом многие мигранты хотя и не испытывают явной дискриминации, но отмечают периодическую холодность и недоброжелательность со стороны инокультурного окружения. Между тем, в интеграцию культур гораздо больше верят мигранты из бывших советских республик, нежели иностранцы.

Главный маркер повседневных стратегий выживания и продвижения в полиэтническом обществе – дихотомия двух стратегий: стремления адаптироваться и противостояние маргинализации. Причем этот маркер в той или иной степени проявляется как в сред коренного населения, так и мигрантов. Эта дихотомия, конечно же, может провоцировать неуверенность и социальный дискомфорт, но именно она как диалектическое единство дифференциации и сближения, может оцениваться как одно из оснований социокультурной интеграции.

Список литературы

1. Lipp, C. Alltagskulturforshung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts / C. Lipp // Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. 1. S. 2. – S. 32–38.
2. Глазкова, Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с.
3. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Автореф. дисс. докт. культурологии / В.Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 35 с.
4. Пушкарёва, Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности / Н.Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. № 1, 2004. – С. 19–23.
5. Малова, Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Е.Ю. Малова // Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31–34.
6. Пушкарёва, Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Н.Л. Пушкарёва // Фонд исторической перспективы // http://www.perspektivy.info_2010-03-16.htm

²² Комментарий к исследованию российского среднего класса [Электронный ресурс] / Левада-Центр. Аналитический центр Ю. Левады, 9 июля 2008 // <http://www.levada.ru>.

7. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: Аст, 2004. – 306 с.
8. Козырьков, В.П. Образы повседневности и проблема их целостности / В.П. Козырьков // Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе: Материалы 4-й межвуз. науч. конф. – Н. Новгород, 2002. Вып. 4. – С. 7-10., с.8.
9. Малова, Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Е.Ю. Малова // Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.
10. Савченко, И.А. Опыт социально-психологического исследования проблем адаптации иностранных студентов в российском вузе / И.А. Савченко, М.В. Свирина, О.И. Морозова, Н.С. Борисова // Методология обучения и повышения эффективности академической, социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Всероссийского семинара. Томск: ТПУ, 2008. – С. 113-124.
11. Давидсон, А.Б., Иванова, Л.И. Московская Африка / А.Б. Давидсон, Л.И. Иванова. – М.: Театральный институт им. Б. Щукина, 2003. – 117 с.
12. Дементьева, С.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов в контексте социологического анализа / С.В. Дементьева // Методология обучения и повышения эффективности академической, социокультурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийского семинара. Т. 2. Томск: ТПУ, 2008. – С. 42 – 59., с. 44.
13. Савченко, И.А. Иностранный студент в России: условия и барьеры интеграции / И.А. Савченко // Вестник Оренбургского государственного университета. № 1, 2010 – С. 20-27.
14. Савченко, И.А. Интегративные и дезинтегративные тенденции в мультикультурной молодежной среде / И.А. Савченко // Известия Уральского государственного экономического университета. №1, 2010. – С. 11-20.
15. Лебедева, Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии им. И.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – 195 с.
16. Комментарий к исследованию российского среднего класса [Электронный ресурс] / Левада-Центр. Аналитический центр Ю. Левады, 9 июля 2008 // <http://www.levada.ru>.

DAILY OCCURRENCE IMPULSES IN INTEGRATION/DECOMPOSITION PULSATIONS

I.A. SAVTCHENKO

*Nizhny Novgorod State
Technical University
named after R.E. Alekseev*

Influence of daily occurrence factor on socio-cultural processes of integration and decomposition in modern multiethnic community is analyzed. It is made a short theoretical review of the basic approaches to daily occurrence interpretation. Materials of empirical research of daily occurrence influence on dynamics socio-cultural interactions are presented. Positive and negative tendencies of interference between daily occurrence and socio-cultural changes come to light.

Key words: Daily occurrence, socio-cultural integration and decomposition, multiethnic community, an ethnic group, cultural loans, heterogeneous socio-cultural space, social depression.